

Я ничего не сказал. В старшей школе я только что покинул семью Сюй и еще не мог позволить себе купить жилье. Аренда рядом со школой была дорогой, и ежемесячные средства, которые семья переводила на мой счет, хватали только на основные нужды. Любые повышенные траты были мне не по карману. Поэтому, хотя Ян Чэнь подарил мне часы Patek Philippe просто так, как подарок между одноклассниками, они были слишком дорогими.

К тому же у меня оставалось немного самоуважения и искренности, и я не хотел, чтобы он думал, что я согласился на это ради выгоды.

Я настаивал на том, чтобы не принимать подарок, и, найдя Ян Чэня, когда он играл с друзьями в баскетбол, я долго ждал его под палящим солнцем, держа коробку в руках. Наконец, он закончил игру. Я подал ему воду, и, пока он пил, протянул ему тяжелую коробку.

— Это слишком дорого, я не могу принять. Пожалуйста, забери обратно.

В тот день была хорошая погода. Волосы Ян Чэня были мокрыми от пота и прилипли к лицу. Он вылил воду из бутылки на лицо, откинул волосы рукой, открыв чистый и красивый лоб. Он без выражения посмотрел на меня, мокрыми пальцами небрежно открыл коробку, вынул новые часы и покачал ими.

Глаза юноши слегка прищурились, с кончиков волос капала вода, следы влаги на щеках сверкали на солнце, ослепляя меня. Я сжал губы, пытаюсь изобразить улыбку, но, подняв голову, увидел, как он с силой швырнул часы на землю, и они разбились вдребезги.

— Если не хочешь — выбрасывай. Не нужно возвращать мне.

Он спокойно произнес.

— ...Прости.

Я опустил голову и пробормотал это себе под нос. Он прошел мимо меня с баскетбольным мячом под мышкой, а его друзья просто наблюдали издалека, привыкшие к этой односторонней драме.

Это был первый подарок, который я получил от него. Я знал, что ему не нужны были деньги, и он не обращал внимания на цену, а уж тем более на мои искренние, но сложные чувства.

— Цзюньянь? Цзюньянь?

Сун Чэн помахал рукой перед моими глазами, и я очнулся, осознав, что долго смотрел в телевизор. В его присутствии я всегда был расслаблен. Я потянулся и спросил:

— Когда придет твой друг?

— Скоро.

Он все это время, как трудолюбивая пчелка, хлопотал на кухне, и теперь, когда все было почти готово, снял фартук и сел рядом со мной. Он был высоким и стройным, и в фартуке, склонившись над разделочной доской, он выглядел немного уютно-забавно.

Я коснулся его теплых и сухих пальцев, и сердце мое дрогнуло:

— Что вкусного приготовил?

— Все, что ты любишь, — он радостно произнес, как ребенок, который помог родителям по дому и с нетерпением ждет похвалы.

Его чувства иногда проявлялись слишком прямо, и мое сердце словно погрузилось в горячую воду — становилось больно и горячо. На лице я лишь улыбнулся и вздохнул:

— А почему не приготовил что-нибудь, что любит твой друг?

— Он ест все, а к тому же больше любит пить, чем есть.

— Кто он такой? — мне стало любопытно. — Чем занимается?

— Художник.

Сун Чэн слегка смутился и встал.

— Я нарежу тебе фруктов. У тебя губы слишком сухие, ты сегодня мало пил воды?

Я кивнул. Только что попрощавшись с Ян Чэнем, я сразу же поехал сюда, пересек весь город В. Из-за вечернего часа пик даже не успел переодеться — к счастью, сегодня на мне была довольно скромная одежда от Ян Чэня. Я провел пальцем по губам, не почувствовав сильной сухости, и вдруг заметил, что на левой руке все еще были часы Blancpain. Сун Чэн, конечно, видел их, когда я несколько раз поднимал руку.

Но его выражение лица не изменилось, и он, очевидно, ничего не заметил. Хотя Сун Чэн был моделью, он не был настолько известен, чтобы сотрудничать с крупными люксовыми брендами, и не был тем, кто фанатеет от часов. Как он мог узнать их с одного взгляда?

Он уже видел их, и снимать теперь было бы странно. Я успокоил себя: пусть это будут просто часы. А если заметит — скажу, что это реплика. Не все же могут позволить себе оригинал, а носить хочется.

Внезапно раздался стук в дверь. Сун Чэн был занят нарезкой фруктов и не мог открыть. Я прошел мимо него, на ходу схватил нож для фруктов, срезал кусочек яблока и сунул в рот. Он бросил на меня укоризненный взгляд, но я легко и весело пошел открывать.

— О, привет, я — старина Ло.

— Я — Цзюньянь.

За дверью стоял невысокий полный мужчина с лоснящимся лицом и редкими вьющимися волосами, собранными в косичку. Я заметил следы старой краски на его синем пуховике и, пропуская его внутрь, уловил странный запах, словно из давно не проветриваемой художественной студии.

Художник? Семья Сюй тоже занималась издательским бизнесом, и я видел немало творческих людей. Я незаметно наблюдал, как он небрежно развалился на стуле и, не спрашивая разрешения, закурил, став чужеродным элементом в этой уютной комнате.

Я закрыл дверь и, повернувшись, уже был готов с безупречной улыбкой.

Похоже на мошенника.

Я держал чашку, потягивая лимонный чай с помело, который приготовил мне Сун Чэн. Он был

горячим и сладким, согревая меня изнутри.

Старина Ло сидел напротив, разглагольствуя, его короткие пальцы сжимали сигарету, и воздух наполнился запахом табака. Было немного душно. Я едва заметно нахмурился, скрывая недовольство за чашкой, пока Сун Чэн убирал со стола. Он внимательно слушал его. Но старине Ло, похоже, это было неинтересно, и он то и дело спрашивал меня:

— Понял?

Он слегка закатывал глаза, словно презирая, и продолжал говорить.

Он говорил о пустых теориях искусства, которые звучали красиво, но были бессмысленны. Он утверждал, что его основное занятие — фотография, хотя изначально он учился живописи — у него было много идей, но хороших моделей найти сложно, и он признавал только таких, как Сун Чэн, — необработанный камень. Я был удивлен, что такой яркий человек, как Сун Чэн, в его глазах был лишь «сырым алмазом». Слишком завышенные требования.

Он говорил убедительно, с преувеличенными интонациями, и действительно походил на непризнанного гения. Каждый раз, когда он спрашивал «Понял?», он не ожидал ответа, а лишь подчеркивал разницу между собой и «обычными людьми». Я был рад притвориться глупцом.

— Цзюньянь, в тебе есть что-то особенное, понимаешь, это редкое чувство разбитой красоты, как Венера Милосская, которая прекрасна именно из-за своей неполноты, понимаешь? Сейчас многие пусты, им не хватает этого темперамента.

Он жестикулировал, глядя на меня, и с удовольствием затянулся сигаретой.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Официантом, — ответил я.

Он снова затянулся:

— Жаль. Людей с таким врожденным чувством мало. Тебе стоит почитать книги об искусстве, не трать это чувство зря.

— Хорошо, хорошо.

Я кивнул, и в этот момент Сун Чэн поставил перед ним новую пепельницу. Старина Ло слегка удивился, а Сун Чэн мягко и доброжелательно произнес:

— Кури меньше, Цзюньянь не любит запах табака.

Старина Ло сдержанно улыбнулся и тут же потушил сигарету. Я улыбнулся:

— Все в порядке, не беспокойся.

— Ничего, я буду курить меньше, чтобы не умереть от рака легких, не завершив великое дело.

На лице старины Ло появилась двусмысленная улыбка, и он снова оглядел меня с ног до головы. Я отвел взгляд, избегая встречаться с ним глазами.

Он посидел немного и собрался уходить, сказав, что у него появилось вдохновение и нужно работать. Он также попросил у Сун Чэна большую порцию приготовленной говядины в соусе.

Перед уходом он пожал мне руку в прихожае, вдруг крепко сжав мое запястье. Я почувствовал его грубые подушечки пальцев. Он тихо спросил:

— Цзюньянь, ты особенный. Не хочешь стать моделью?

Он быстро подмигнул мне:

— В следующий раз поговорим подробнее.

Я не ответил. Как раз в этот момент подошел Сун Чэн, чтобы обуваться:

— Я провожу тебя.

— Не надо, — он махнул рукой. — Ухожу.

— О чем он говорил с тобой?

Сун Чэн сел рядом со мной на диван и повернулся ко мне.

— Предложил стать моделью.

Я рассеянно улыбнулся, краем глаза замечая идеальный профиль Сун Чэна и его глаза, полные бесконечной нежности и тепла.

— Странно. Судя по его словам, он такой придирчивый, как он мог выбрать меня?

Сун Чэн мягко улыбнулся, и я заметил, что у него есть едва заметные ямочки на щеках:

— Цзюньянь, ты красивый.

<http://bllate.org/book/16832/1548422>